

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ КРАМОВ

Когда закрывалась дверь, в сарае становилось темно. Солнце проникало только через щели в досках. Пылишки плавно танцовали в золотых лучах, похожих на жопы спящих волгов. Мыши, испуганные людскими голосами, проворно шныряли в норы. В сарае слышались таинственные шорохи. Было тихо и немного страшно.

Маленькая девочка уже кривила губы, готовясь заплакать. Но брат, хорошо знавший ее характер, клал руку на плечо девочки и говорил таким густым, смелым голосом, что тишина сразу отлетала прочь:

— Вот трусиха!

— А вот я не трусиха,—с храбростью отчаяния возражала девочка.

— Сейчас увидим,—неумолимо продолжал брат.

И в сарае начинался спектакль—без публики, без грима, с уменьшенным количеством актеров. Высокий гимназист читал монолог Фауста, маленький мальчик с ярким румянцем на щеках играл Мефистофеля, третий участник был режиссером. Что касается женской части труппы, то она, по молодости лет, ограничивалась бессловесной ролью Маргариты.

Много лет прошло с тех пор. Давным давно не существует театра в сарае, но его актеры донесли до сегодняшнего дня свой юный пыл и страсть к театру. От этого самостоятельного «Фауста» начинаются истоки творчества Таирова, Версенева и Крамова.

Жажда творчества рано проснулась в Крамове. Двенадцати лет он играет в школьном спектакле роль городничего. Все больше и больше ребенок мечтает о театре. В семье Крамова любили искусство, ценили театр и... хорошо знали о горькой доле русского актера. Отец Савви, проработавший 42 года народным учителем, часто напоминал сыну судьбу Аркашки и Несчастливцева, которые по образу пещерного хождения странствовали из Керчи в Вологду, из Вологды в Керчь. Актеру молли аплодировать, но человеком его не считали. Недаром священник в Самаре отказался служить молебен по Комиссаржевской: она была «актеркой».

Отец мечтал видеть сына врачом. «Ведь и медики тоже учатся в театре—анатомическом»,—шутливо говорил он.

Крамов учился в киевском университете. Вечерами лампа освещала страницы учебника и атласа, взятого на неделю у товарища. Человеческий скелет постерел мудренными латинскими названиями. Вот эта бороздка на кости, неслучайная поперечная линия, называлась «мускулюс мускулюс флексорис паллюций лонни». На улице все реже ходили пеннеходы. Была ночь. Устав от анатомии, студент отдыхал, читая роль Епиходова. Да, да, он не мог оставить театра. Пожалуй, он обманывал себя, говоря, что сцена дает ему 15 рублей в месяц, так необходимых для жизни в Киеве. Он играл бы и бесплатно.

Посетители небольшие. Железнодорожного театра мало напоминали блестящую киевскую публику, приходившую к Соловцову не жить, а засыпать от жизни. Восторженные, непосредственные, они высоко ценили своих артистов, и правили для народа. В этом театре Крамов работал с неистовством молодости и восторгом новичка. Епиходов, которого он сыграл в 1903 году, был его первым образом. Вот почему можно говорить о 35-летней артистической деятельности Крамова.

Уже тогда обнаружилась одна черта его дарования—умение перевоплощаться. В «Цыганке Замде» он играл три роли—и каждая имела свои, только ей присущие, черты. Стрелочники, кочегары, составители поездов любили молодого актера. Труппа была довольна им. Не был доволен только сам актер. Он понимал, что у него нет школы, что он многого не знает.

После лекций он бежал к вокалу, в маленький театр. Оканчивался спектакль—он шел на квартиру к известному актеру Лепковскому. Таиров, Версенева, Крамов играли, слушали учителя, спорили. Ночь проходила незаметно, время отступало перед молодыми страстями. Они выходили на улицу утомленными, но довольными, познавшими то новое, что давно бродило в них. По улицам уже ходили трамваи, дворники заканчивали уборку. Был седьмой час утра.

Настойчиво, не останавливаясь перед трудностями, шел Крамов к мастерству. Ему надо было преодолеть многое. Был он невысок, не поражал громами своего голоса, в его манере говорить, ходить, смеяться не было ничего наигранного. Крамов всегда боялся этой сделанной «красоты». А в то время для провинциального театра такие несценические данные были почти приговором. Может быть, поэтому для первого выхода Крамову в Соловцовском театре предложили роль... без слов. Актер горячо взялся за нее. Уже тогда, 33 года назад, он понимал, что все роли—большие, но есть маленькие актеры. И эту маленькую роль он сыграл так, что вызвал аплодисменты.

Это очень характерная черта. Александр Крамов владеет секретом мастерства: он умеет оставаться в памяти. Десять лет прошло, как в Харьков приезжал театр МГСПС. Мы забыли пьесу «1881 год», но в памяти и сегодня живет юркий, лизенький человечек в городском пальто и котелке. Крадучись, оглядываясь, нюхая воздух, словно гончая,

он говорит какие-то бесцветные слова, но за ними угадывается иная жизнь, иная суть этого человека. Маленькая роль шпики Перепелкина стала центральной в пьесе. Через десять лет, держа проверку временем, она встает живой, со всеми красками и богатством содержания, которые придал ей исполнитель.

Этим исполнителем был Крамов.

Его успех объясняется тем, что он стремится показать не себя, а образ, с предельной ясностью раскрыть мысль автора и дополнить ее. Он—верный сын социалистической родины. Великая ненависть к прошлому помогла ему создать отвратительный облик Перепелкина. Великая любовь к родной стране помогла ему нарисовать вдохновенную фигуру Чапаева. Крамов прежде всего актер-гражданин, вот почему его роли всегда правильно акцентированы политически.

Если попытаться определить его амплитуду, то сразу оказываешься в тупике. Его Чапаев—героичен, генерал Крутицкий—фигура комедийная, Косся—капитан—предельно характерен, а профессор Полежаев—сама молодость, скрытая под сединами. Правильно сказать, что Крамов—актер без амплитуды. Он не демонстрирует из роли в роль счастливо найденных некогда две-три удачных интонации и пятю характерных жестов. Каждый раз, приступая к новой работе, он знает, что ему предстоит слиться с образом. Он мыслит широко. Его Чапаев—не только яркий портрет героя. Одновременно это и собирательный тип командира из народа, любимца масс, их вождя. И Полежаев—не только отражение великого ученого Тимирязева. В этой роли Крамов воплотил образ передового интеллигента, понимающего, что только Великая Социалистическая Революция, только партия Ленина—Сталина открыла безграничные просторы для науки, техники, искусства. Эта роль—одна из лучших у артиста. Образ интеллигента сразу, без колебаний попавшего за Ленин и Сталиным, близок и понятен Крамову. Он сам из этого же племени непартийных большевиков. Он понимает депутата Бадикова умом и сердцем. И коллектив ХТЗ оказал артисту величайшее доверие, высокую честь, выдвинув его кандидатом в депутаты Верховного Совета УССР.

Великий вождь народов, великий друг искусства товарищ Сталин открыл необятные горизонты творчеству. Никогда еще не работал А. Г. Крамов так плодотворно, как в эти годы победоносного социалистического строительства. На сцене он создает образы, говорящие о величии нашей родины, ее верных сынах, о торжестве великого дела Ленина—Сталина.

В эти дни—и утром, и днем, и вечером, и глубокой ночью—Крамов работает над образом В. И. Ленина. Талант артиста и его опытность, великая любовь к гению пролетарской революции и пристальное изучение материалов—все мобилизовал Крамов, чтобы показать Ленина, как титана, живущего в веках, и одновременно простого, задушевного, любимого, такого близкого Ильича.

Еще рано говорить о результатах этой работы, но характерно, что артист ждет не дожидается того дня, когда он сможет проверить себя. Крамов, довольно равнодушно принимая похвалы, жадно слушает критические замечания. Когда чапаевцы восторжались его Чапаевым, он, прервав похвалы очередного оратора, убедительно просил сказать, что же неверного заметили саратники легендарного командира в образе, который создал артист. В своем творчестве он чутко прислушивается к голосу народному, вот почему глубоко народны его лучшие роли.

Крамов знает, что успех достигается трудом. Как руководитель театра, как режиссер, как исполнитель, он требует от всех—и прежде всего от себя—абсолютной точности, железной дисциплины, полного усвоения задачи, простоты. Он знает—чем больше этой простоты в искусстве, тем меньше в нем искусственности. И если спросить Крамова, почему вот эту роль он играет так ярко, артист, не задумываясь, ответит:

— Я много работал над ней.

Десятилетия дали ему опыт и знания, развили его талант, принесли признание зрителя. Но в его опыте нет ничего от ремесленничества, в его технике нет шаблонности. По сути, Крамов, справляющийся 30-летний (а правильнее 35-летний) юбилей, не изменился с того времени, когда он в сарае играл роль Мефистофеля. Не уменьшилась его любовь к театру, не охладела его непрежняя молодая пыл.

Из спектакля в спектакль, к старой, игральной-переигранной роли, Крамов неустанно добавляет новую черточку—свидетельство новых часов труда.

И когда он, невысокий, щупленький человек, с живыми, горячими, юными глазами выходит на сцену, кажется, что он заполняет ее всю, входит в зрительный зал и своим переполненным, задушевым голосом говорит с каждым зрителем только для него, только ему.

И в этом еще одна черта народности творчества Крамова.

В. МОРСКОЙ.